

* * *

О, пощади меня, судьба,
И огради от бурь, ненастья.
Впервые я прошу тебя:
– Хотя бы капельку дай счастья.

Не торопись вершить дела
И сердце превращать в ледышку.
Я столько бед перенесла!
Так дай на время передышку.

Ветер

Разгулялся ветер синий
Над раздольной Бирюсой,
Тонконогие осины
Тронул ласково рукой.

Пробежался по откосу,
Мелкой галькой зашуршал,
Растрепал берёзке косу
И вдоль берега умчал.

* * *

Люблю рассвет над синей Волгой
И запах свежести речной.
Люблю сидеть и слушать долго
Шептанье берега с волной.

Люблю багряные закаты,
Звонящий серебром ручей
И облака, будто из ваты,
В последнем отблеске лучей.

Люблю черёмухи кипенье
И льна цветущего простор.
Люблю в лугах травы цветенье
И птичий дивный разговор,

Лесов чарующие дали –
Всё перечислить не берусь.
Стихи объемлют всё едва ли,
Всё то, что входит в слово «Русь».

Клён

В больничной стоит ограде
Не счесть, уж сколько времён,
В пожухлом, осеннем наряде
До сердца промёрзший клён.

Стучит мне в окошко ветвями:
– Ну что же, подруга, держись!
Удачи мы ждём годами.
Такая уж штука жизнь!

А птицы в ветвях его пели,
От наших тревог далеки.
И так эти песни звенели,
Что не осталось тоски.

* * *

Моя милая,
Страдальческая Русь.
За тебя поставлю свечку,
Помолюсь.

Почему тебе сегодня
Не везёт?
...Может завтра
По-другому всё пойдёт?

Памяти Владимира Высоцкого

Рыдали струны, трепетали,
А песня за душу брала.
Его при жизни не признали,
Хоть слава всюду рядом шла.

Среди завистников ничтожных,
Бездарных критиков, льстецов,
Дрянных людишек всевозможных
Он рос, как роза без шипов.

Талантище, простой, открытый,
Все передряги претерпел.
Он рано умер. Не забытый людьми,
Которым песни пел.

Рождественский, Марина Влади
Его творенья сберегли.
Не для себя, не Бога ради,
А для народа, для любви.

* * *

Над рекой Бирюсой тишина и покой.
Солнце жарит нещадно лучами.
И глядится в синеющий омут речной
Золотыми, с искринкой, глазами.

Тополь нежно шептал: «Я люблю
больше всех
Лишь тебя из подружек знакомых».
Ветер свежий принёс звонкий девичий
смех
И развесил на ветках черёмух.

Чей-то бас рокотал, исчезая, и вновь
С эхом чудно перекликался.
И пока на земле существует любовь,
Будет смех серебром рассыпаться.

* * *

Унылый день, холодный день.
А будни серые как мыши.
И целый день сижу, как пень.
Душа кричит – никто не слышит.

А где-то, где-то далеко,
Где волжской сини много-много,
С друзьями мчалась так легко,
Беспечно юность по дороге.

Как много, много было нас,
Ровесников неугомонных.
А жизнь спешила, жизнь неслась
И разметала неуёмных.

* * *

Ребятнёй на косогоре
Ёлочки толпятся.
Не твои ли, Волга, зори
Мне весной снятся?

Розоватый шёлк рассвета
Выткан полосю.
Прокричала чайка где-то,
Скрывшись за волною.

Голубы твои просторы,
Волга моя, Волга!
Увезёт меня вновь «скорый»
От тебя надолго.

* * *

Снится снова мне мать, что встречает
опять.

Возле дома берёзка родная.

И отец на скамье руки тянет ко мне.

А я радостная такая...

Репродуктор сопел, там Высоцкий
пропел,

Что за жизнь надо биться и драться.

Даже если прожить не успел, как хотел,

Всё равно ни за что не сдаваться.

Но наступит черёд, знаю я наперёд,

Оборвётся весь лист, ветром смятый.

А Высоцкий поёт, и за душу берёт

Его голос, слегка хрипловатый.

* * *

Дым, как чёрный змей, под солнцем
Извивается, плывёт.
В золотое его донце
Чёрным языком плюёт.

Солнце тучею прикрылось –
Стала та черным-черна,
И, отхлынув от Ярила,
Вмиг заплакала она.

Слёзы чёрные упали
На зелёные леса.
Глухо листья зароптали,
Смолкли птичьи голоса.

Уж не слышно песен, звонов.
Вся природа, как в плену.
Народившийся «ребёнок»
Задыхается в дыму.

А мы строим, строим, строим
ТЭЦ, котельные, завод.
И не знаем, сколько стоит
Наша жизнь наоборот.

Люди с чёрствыми сердцами
Носят в сердце чёрный ген.
Мирно трудятся с «отцами» –
Не дождаться перемен.

* * *

Уже апрель, а солнца нету,
Не холодно лишь воробьям.
Весна забыла его где-то
И хмурит брови по утрам.

Всё вьюжит, вьюжит,
Дуют ветры.
Озябший клён в окно стучит.
А лампочка сквозь его ветви
Янтарным яблоком глядит.

* * *

В небе солнышко ярко светило,
Золотило речную волну.
Вновь, как в детстве, здесь я ходила,
Поднимаясь тропой в синеву.

Глядь, ромашка у самой дорожки
Расцвела на высоком бугре,
Приподнялась на тоненькой ножке,
Норовя пробежаться к реке.

Умывал её утром прохладой
Ветерок торопливый с реки.
Пароходы, приветливо глядя,
Посылали ей песни-гудки.

Мне навстречу вихрастый мальчишка
Шёл лениво, под нос напевал
И взмахнув лозинкой, ромашку
Мимоходом сразил наповал.

Золотистая капелька солнца,
Что у края тропинки росла,
Беспощадно в колдобинном донце
Сапогом грубо смята была.

Желтоглазое чудо природы,
В придорожной купаясь пыли,
Уж не слышало, как пароходы
С грустью пели в туманной дали.

* * *

Нет, не старость тревожит,
Хоть и сердцу больней.
Одиночество гложет
Среди близких людей.

Все бегут, суетятся,
Под себя все «гребут».
Невдомёк догадаться,
В чём нуждается друг.

А ему вас бы слушать.
Вы же – мимо, бегом!
Люди, есть ли в вас души,
Посмотрите кругом!

* * *

Разливался над Русью малиновый звон.
В сарафанах расшитых шли бабы лугами.
Цокал звонко подковами в яблоках конь.
Колыхалась прохлада реки над лесами.

Что ж ты съёжилась, Русь, почернела с лица?
Слышны стон и печаль твоих колоколен.
Будто служишь молебен с утра без конца
По народу, который безумием болен?

Нет, я всех не берусь, не могу я судить.
Хотя подлость в народе растёт год от года.
Дураками загадилась светлая Русь.
Среди пакости этой невидно уж брода.

Я ведь тоже твоя синеглазая дочь,
С волосами цвета поспелой пшеницы,
Отравлялась подонками. День был как ночь,
Что едва не сомкнула навеки ресницы.

Эта мразь в изощреньях достигла венца.
Я кричу, я взываю к прозренью с амвона:
Дайте людям, какими б ни есть, дожить
до конца!
Русь, прибавь, я прошу, колокольного
звона!

* * *

Сумрак в груди и тревога,
Веки боюсь разомкнуть.
Чудится, снова дорога
В сторону хочет свернуть.

Свежестью трав потянуло
Сквозь кисею на окне.
Сердце свободно вздохнуло,
Стало легко, как во сне.

Солнечным, ласковым светом
Было согрето оно.
Вместе с дыханием лета
Грусть улетела в окно.

Здравствуй, мой день, мой пригожий,
Розовым светом залит!
Ни на один не похожий
Будь, кои память хранит.

* * *

Мы – кузнецы, был дух наш молод,
Но перестройка тут пришла.
Приватизировала молот
И нас под корень извела.

Где денег взять,
Унять чтоб голод.
Кишки свело, ну, хоть кричи.
Давай с герба умыкнем молот,
Его загоним на харчи.

А заодно и серп прихватим.
Звезда останется пока.
А то, пожалуй, до зарплаты
Не дотянуть, наверняка.

Работы нет, в квартире холод.
Хоть ты бастуй, хоть ты кричи.
Сказали нам: на пользу голод.
Жить долго хочешь? Не ворчи!

Я вернусь к тебе, Пучеж!

Здравствуй, Пучеж, далёкий и близкий
В одеянии своём простоват.
Милый город, поклон тебе низкий
От уплывших за счастьем ребят.

По дорожкам пройду, по тропинкам,
Что спускаются к Волге-реке.
Я твоя, милый город, кровинка,
Хоть живу от тебя вдалеке.

Припев:

Где бодает месяц рогом
Пенную волну,
Встретим мы с тобою вместе
Раннюю весну.

В аромат кипенно-белых
Яблонь окунусь.
Я вернусь к тебе, мой Пучеж!
Я вернусь!

Бьётся в берег волна голубая,
Гасит розово-синий закат.
Стала жизнь с перестройкой другая.
Ты же щедростью к людям богат.

Обездоленные пожилые
Нашли тёплый приют у тебя.
И сейчас им как в годы лихие
С верой жить помогаешь в себя.

Припев:

Уж другие мальчишки, девчонки
На урок торопливо бегут.
Я вздыхаю. Смотрю им вдогонку,
Вспоминая себя средь подруг.

И становятся будто бы ближе
Уходящие дали времён.
Волжский говор то громче, то тише
Звучит музыкой в сердце моём.

* * *

Я заказала железную дверь,
Как расплатиться, не знаю теперь.
От наркоманов, от разных воров
Сколько поставить надо замков?

Смотрим со страхом в дверные глазки,
В окнах решётки, боль от тоски.
Так и сидим, в заключении вроде
Вместо воров, а они на свободе.

И вот нам семьдесят

Говорят, что мы старухи.
Никому не верится.
Посмотрите-ка на нас,
Всё у нас шевелится.

Чем, скажите, мы плохи?
Подходите, женихи!
Всем нам семьдесят уже,
Целовать можно везде.

Да и я не пень трухлявый.
Сам хожу: знать парень бравый.
Если к стенке прислонить,
Можно и поговорить.

Мимо девка как пройдёт,
Сердце так и запоёт.
Становлюсь, как заводной,
Так и дрыгаю ногой.

Ты старуха, я старик.
Я к тебе уже привык.
Приходи ко мне в ночи,
Жду тебя я на печи.

Я пришла, мой голубок,
Что забился в уголок?
Вот я вся в твоих руках
В новых вязаных носках.

На печи с милым сидим,
Кашу манную едим.
Хорошо нам на печи,
Греют ноги кирпичи.

* * *

Ехал старенький «Жигуль»
Мимо автопарка.
Вдруг откуда ни возьмись –
Крутая иномарка.

Р-раз! И старенький «Жигуль»
Врезался с разбегу.
В иномарке вышиб руль,
Будто там он не был.

– Полис вот! Я не подлец,
Брал его за плату!
А братки: – Ну, молодец!
Глянем твою хату!

* * *

Новый год я очень жду.
Баньку истопила.
Дед сказал: «К тебе приду.
Банька – это сила!»

На часах уж без пяти.
Деда всё не видно.
Неужто к Марье мог зайти?
Если так,... обидно!

Чайник свистнул, зафырчал.
Что одной за праздник?
Кто-то в стену постучал.
Ах, идёт проказник!

В окно глянула. Стоит.
Глаз прикрыл, знать, стыдно.
Заблудился, говорит,
Ни фига не видно!

Посмотри, что у меня,
Да вот тут под глазом.
Жжёт как будто от огня
Прихватило разом.

– А чего смотреть? Фингал!
Вон какой, аж синий...
Знать, ты здорово упал.
Где тебя носило?

Уж в окне забрезжил свет.
Глаз ему лечила.
Не помылся в бане дед.
Зря её топила.

* * *

На свиданье с милым шла
Долом через речку
И в душе весна цвела,
Ёкало сердечко.

Мостик хилый на пути
И не так уж малый!
Но его не обойти,
Перейду, пожалуй.

Вдруг он хрустнул под ногой –
Чуть не провалилась!
И зачем же за рекой
В парня я влюбилась?

* * *

Ветер сильный снёс полкрыши,
И уже не в первый раз.
В МУП КХ в ответ я слышу:
– Разве это лишь у Вас?

Я ходила к заму, к мэру:
– Снегу в дыры намело!
– Будет шифер, примем меры.
(...А у них-то так тепло!!!)

Лупит дождь с утра до ночи,
С потолка течёт вода.
Двадцать лет так жить, нет мочи,
Вот бы вам так, господа!

Кто для них я? Лишь старуха,
Да к тому же инвалид.
За спиной война, разруха,
И душа всегда болит.

Может их минует старость,
Что же я тогда ворчу?
И нужна-то мне лишь малость –
Было б то, за что плачу.

Самому выносливому

Про года я забываю.
Стаж побольше набираю.
Иногда сижу в раздумье,
Может, в третьем чтенье в Думе

Мысль кому-то вдруг придёт.
Что пора бы чтить народ.
Что хотя б ему под старость
Дать заслуженную радость.

Трудолюбивому

А меня за мой за труд
Трудоголиком зовут.
Не могу сидеть без дела,
Хот уже и поседела.

И во сне мне снится –
Вроде я тружусь на огороде.
Ничего не понимаю.
Вот болезнь-то ведь какая!

Самому разборчивому

Молодым когда я был,
Всё, что пьётся, всё я пил.
А теперь вот выбираю,
Что попить, когда хвораю.

Пить, как раньше, не могу:
Ноет что-то там в боку.
Сердце стукнет и молчит,
В животе что-то урчит.

В пояснице боль, ломота.
Есть так даже неохота.

А когда всё отойдёт,
И вино, как мёд, идёт.
Заиграет в жилах кровь,
Сразу тянет на любовь.

* * *

Над рекой Бирюсой
Тишина и покой.
Солнце жарит
Нещадно лучами.

И глядится в синеющий
Омут речной
Золотыми с искринкой
Глазами.

А на том берегу,
На зелёном лугу,
В Бирюсу, где
Ромашки глядятся,
Мы весёлой гурьбою,
Резвясь на бегу,
По тропинке бежали
Купаться.

Колокольчиком смех
До вечерней поры
Всё звенел и звенел
Над волнами.

И наполнились смехом
В деревне дворы.
Но позвали домой
Всех нас мамы.

Бирюсе не до сна,
Вслед бежала волна.
Не хотелось ей с нами
Прощаться.

– Не грусти, мы поспим,
И с утра прибежим,
На тебе чтоб
Опять покататься.

Шелестящий прибой,
Ночью песню нам спой.
О прохладе воды
Синей-синей,

О родной Бирюсе,
Её дивной красе
Знают люди
Повсюду в России.

Берёзонька

Под окном берёзоньку
Посажу.
Тебя, красно солнышко,
 Попрошу:

– Ты лучами тёплыми
Согревай.
Ветерок берёзоньку
Приласкай.

До небес, берёзонька,
Дотянись.
Только в лес обратно ты
Не просись.

Посажу я рядышком
Тополёк.
Вот тебе, берёзонька,
И сынок.

Вырастет прекрасен он
И зелён,
В старости от бури
Укроет он.

Будут внуки рядышком
Подрастать.
Будешь сказки дивные
Им шептать

* * *

Осенний дождь гуляет в роще,
Травинки топчет все подряд.
И ветки у берёз полощет,
Срывая красочный наряд.

Холодный ветер листья гложет,
Чернеют раны на коре.
Знать, и они страдают тоже,
Как всё живое на земле.

Первая любовь

У одной только Таньки
Голубые глаза,
Белый бант на макушке,
Золотая коса.

У доски отвечает
Она про войну,
Как в полон уводили
Людей в старину.

Вдруг от адского грома
Распахнулось окно,
И чудовище с рёвом
Влетает в него.

Растопырило лапы,
Я моргнуть не успел,
Змей схватил Иванову,
Вместе с ней улетел.

– Я спасу, ты не бойся!
Где буланый мой конь?
Стой, нечистая сила!
Иванову не тронь!

– Ха! Защитник нашёлся!
Если я захочу,
Вмиг тебя с Ивановой
Не жуя, проглочу!

Конь несётся стрелою.
Проскочили мы мост.
Я с размаху ударом
Отрубил ему хвост.

Плюнул змей на меня
Смертоносным огнём.
Придержал я коня
И закрылся щитом.

Изловчившись, мечом
Угодил ему в глаз
И пока он ревел,
Подбежал я тотчас

Схватил Иванову
– Ну! Скорей на коня!
Чем-то стукнуло вдруг
По макушке меня.

От удара такого
Я упал из седла
И мгновенно услышал
Ивановой слова:

– Просыпайся, Петров!
Уж окончен урок!
И портфель её – шмяк!
Приземлился у ног.

Все стоят и смеются,
Но не знает наш класс,
Что сейчас Иванову
Я от гибели спас.

На неё не сержусь я,
Даже сдачи не дал.
Ведь она же не знала,
Что её я спасал.

Десятый класс

Десятый класс,
Я помню вас!

Мудрее стали мы и строже
И стало прошлое дороже
Во много раз, во много раз.
Как будто было всё сейчас.

Задиристый Александров,
Иван Иванович Ковшов,
Любил он юмор, но был строг,
И это всем пошло нам впрок.

Мы так решали все задачи,
Почти на шесть, а не иначе.
Меня он, кажется, любил
И на физмат благословил.

«Колючки» часто выпускали,
Рисунки с Юркой рисовали,
Плевали на чины и званья.
В неделю раз вели собрания.

И будь ты друг или подруга,
Не раз песочили друг друга
Добрались, помню, до меня.
Весною было, в конце дня.

Устроили головомойку,
За Блока получила двойку.
А Юрка вёл тогда собрание,
Где был лишь шум и сплошь оранье.

Звенит звонок,
Прощай урок!
На выпускном нам грустно было.
Зачем ты, время, поспешило?

Потом как птицы из гнезда
Мы разлетелись, кто куда
Прошли года, но иногда
Мы с вами всё-таки встречались.
Зачем так быстро мы расстались?

Десятый класс. Десятый класс.
Я очень, очень помню вас!

Бывшим однокурсникам

Ах, юноши! (Теперь мужчины)
Не так уж много было вас.
В аудиторию вы чинно
Входили, как директор в класс.

Весна звала, звала куда-то.
В сердцах горел любви огонь.
И мы мечтали все когда-то,
Что вас примчит к нам белый конь.

А вы ходили молчаливо,
С осанкой гордой петуха.
А мы надеялись на диво,
И в том не видели греха.

Мы все в невесты вам годились,
Были одна другой нежней.
Теперь в наседок превратились
Из стаи белых лебедей.

И вы, наверное, устали,
Рыбалкой, дачей занялись,
В речах медлительнее стали,
Брюшком, поди, обзавелись.

Ворчите всё: «Не жизнь, а мука!»
(Чтоб для порядка, не со зла),
Подальше от жены и внука
С друзьями режетесь в «козла».

Всей половине вашей чинной
Сей посвящаю я сонет.
От бывшей стаи лебединой
Примите скромный наш привет.

* * *

Я сердцу, глупая, внимая
Воспоминанья ворошу,
И счастье вновь переживая
Вновь детством, Волгою дышу.

По волшебству ль, по мановенью,
А всё как будто наяву
Я ощутила, к удивлению,
Что до сих пор тобой живу.

Твоим страданьем, взглядом, болью,
Твой слышу тихий разговор,
Неугасимую любовью,
Что рядом ходит до сих пор.

Вальс Штрауса

Мы в студенчестве благ не имели.
Жизнь хлестала, как дождик жнивье.
Только души у нас не черствели,
Только молодость брала своё.

И презрев всю молву и интрижку,
Что живучи здесь были до нас,
Меня рыжий, вихрастый парнишка
Пригласил вдруг галантно на вальс.

Мы кружились до самозабвенья,
Танцевали танго, фокстрот.
И лишь вальс, как весны дуновенье,
Уносили от девичьих острот.

И теперь, сквозь пургу и метели
Слышу звук, опьяняющий так нас.
Мы давно уже все постарели,
Но как прежде волнует тот вальс.

Вечер наступает

Тихо стало вокруг,
Вечер наступает.
Где-то там, за рекой
Пёс негромко лает.

Ветерок приласкал
Зябкую осинку
И у ног её лёг
Прямо на тропинку.

Вышел дед на крыльцо,
Широко зевая,
Буркнул что-то под нос,
Ставни закрывая.

Молодая звезда
За леса упала
И вздыхает земля
Сонная устало

Месяц всплыл золотым
Яблоком на блюде.
Отдыхает земля,
Отдыхают люди.

Родник

Среди голубых незабудок, осоки
Сверкнул, как глазок, небольшой
родничок.

И, как заведённый, под небом высоким
Трещит, надрываясь, зелёный сверчок.

Бурьян да крапива, пусты огороды.
Сюда я случайно совсем забрела.
И помнят о том лишь ушедшие годы,
Что здесь деревенька когда-то была.

Что жили здесь люди тогда молодые.
Родник голосистые песни им пел.
Покинули люди края обжитые,
Он стал неухожен, совсем захирел.

Стоит на пригорке изба однобоко,
С осевшею крышей, в оконце одно.
И плачет в безмолвьи родник одиноко,
Роняя янтарные слёзы на дно.

* * *

Иду напрямик по дороге открытой.
Той тропки, что раньше, в помине уж нет.
Когда-то колхоз здесь гремел знаменитый.
Входила контора в Дубновский совет.

Он славное имя вождя возвеличил.
Колхоз невелик был в размерах тогда,
Имел и награды, немало отличий
И Родине дал двух Героев труда.

Промчались годы как кони лихие
И скрылись за волжскою синью реки.
Одних жизнь манила в просторы такие,
Другим сединой покрывала виски.

Осталось жильцов в той деревне немного.
Немало воды с той поры утекло!
Глядят сиротливо дома на дорогу,
Храня по углам человечье тепло.

Заброшенный сад да прогнившие хаты,
Дорога бурьяном совсем заросла.
Одна коровёнка – совсем небогато.
А в бытность здесь ферма так ферма была!

И в людях была и любовь, и отвага.
Доверчиво тополь расскажет про то.
Стоит он могучий один у оврага
И смотрит всё вдаль, не вернётся ли кто.

* * *

Невзгоды, годы сердце сушат.
Жизнь мчалась, будто на рысях.
И обронила где-то душу,
Стон тихо прозвенел в овсах.

Так пусто стало, одиноко,
Как будто наступила ночь.
Быть может кто-то ненароком
Унёс её с дороги прочь?

Как неживая стала я.
Откликнися, душа моя!

* * *

Дорогу мы не выбираем.
Она начертана судьбой.
Идя по ней, про то не знаем,
Что впереди нас ждёт с тобой.

То ровная, то вся в ухабах.
Не видно, вроде, ей конца.
Переходя ручьи в оврагах,
Я изменялася с лица.

А жизнь катила то монетой,
То пыльной бурей пронеслась.
Я шла и шла дорогой этой,
И вдруг она оборвалась.

Как много, много лет подряд
Теперь уставшая, больная,
Бреду я мысленно назад.
Здесь каждый кустик вспоминая.

* * *

Костёр в ночи почти погас,
Но ветер пепел потревожил,
Подул в костёр игриво раз,
И уголёк как будто ожил.

Моргнул разок, моргнул другой
И заискрился улыбаясь,
Сверкнул глазком из тьмы ночной,
Всё больше, больше разгораясь.

Сижу, люблюся им я,
Тебя невольно вспоминая.
Горит во мне любовь моя,
Как уголь тот, не угасая.

* * *

Весенний ветер озорной
В ребячий визг ворвался смело,
А мне казалось, что с гурьбой
И я неслась ошалело.

Из тучки солнце поднялось,
Блеснув в весенней холодине.
А моё детство унеслось
На синей, на большущей льдине.

Ах, где же, где эта страна,
Куда причалила она?!

* * *

Зачем с тобой мы повстречались
Весною в Павловском саду?
Зачем, скажи, потом расстались,
На счастье или на беду?

Мы. Помнишь, жили безмятежно,
Никто из нас не горевал
И лишь своей «Седуле» нежно
Тогда ты губы целовал.

Но сердце стало одиноко.
Ты больше мне не отвечал.
Зачем ты поступил жестоко –
Всего лишь год не подождал

Зачем, скажи, судьбу иную
Нам уготовил в этот срок?
Зачем женой назвал другую,
Хотя меня всегда берёг?

Я не твоей супругой стала,
И ты давно уже не мой.
Зачем не поняли друг друга,
Зачем теперь ты не со мной?

Весна

Лучится небо синевою,
А под ногами лужи сплошь.
И с каждой новой весной
Чего-то нового всё ждёшь.

Быть может, друга снова встретишь,
Быть может, нового найдёшь.
А может, сам себе ответишь,
Уж так ли правильно живёшь?

С каким-то радостным томленьем
Размытой улицей бреду,
На всёзираю с умилением
И, как всегда, чего-то жду.

* * *

С годами мы стали мудрее
И самокритичней притом.
И прошлое ранит сильнее,
Где были ошибки кой в чём.

Но заново жизнь не построить,
На времени прошлом – печать.
Как хочется с умным поспорить
Иль посидеть, помолчать.

Развеять сомненья, тревоги,
На что был не найден ответ,
И знать, что уже на дороге
Их больше не будет и нет.

Но с веком лечу, будто птица,
Теряя друзей по пути.
Пороша уж в окна стучится.
Попробуй за ней разгляди.

И по нему свою я жизнь сверяю

Уж первый дождь в окно моё стучится,
Хотя в лесу ещё не тает снег.
А сердце бьётся раненою птицей,
То замерев, то убыстряя бег.

То о былом всё в горести сожмётся,
О настоящем горестно вздохнёт,
То отойдёт и в ровный ритм вернётся.
И так вот много лет уже живёт.

И по нему свою я жизнь сверяю.
Дорогой торной в жизни не иду.
Идя по ней, я очень твёрдо знаю,
Что с совестью всегда была в ладу.

* * *

Мешала робость и волненье
И непонятное смущенье
Нам подойти друг к другу.
В который раз по кругу.

Любви огонь нам жёг сердца.
Казалось, не было конца
Страданиям и томленью.
Окончены мученья –

Меня звала любовь другого.
А от тебя, как от немого,
Не дождалась я так
Ни слова.

* * *

Звезда над рощею повисла,
Где дремлют чуткие сычи.
Луна серебряная вышла
Послушать шорохи в ночи.

Тропинка узенькая вьётся.
То замерев, то плача вновь,
Тальянки голос раздаётся
Про нежность, первую любовь.

Ей внемлет пара галок сонных
Да лёгкий ветер в ивняке,
Да пара робкая влюблённых,
Что в даль идут рука в руке.

* * *

Чуть листва шевелится,
Слышны всплески весла.
А над Волгою птицей
Тихо песня плыла.

Проплыла над лощиной –
Голос за душу брал.
Седовласый мужчина
Молчаливо вздыхал.

Её пела девчонка,
Как тростинка тонка,
Сидя в уютной лодчонке,
В такт качаясь слегка.

Солнце за гору село,
Воздух свеж, синеват.
Маком платье алело
В предвечерний закат.

Ветерок шаловливо
Песню взял и унёс,
А на сердце щемило
Почему-то до слёз.

Город юности моей

Город Шуя, город Шуя,
Тополя в голубизне.
По твоим дорогам, Шуя,
Довелось ступать и мне.

Память прошлого тревожит.
Купол золотом горит.
Площадь «Родина». Быть может
И кафе всё там стоит?

Говорят, живёшь богато,
Понастроены дома.
В институте здесь когда-то
Я училась сама.

Жизнь студенческая наша
То в веселье, то в слезах.
Красной девицей прошлась
С коромыслом на плечах.

Шепчут клёны меж собою.
Шепчут, будто говорят,
Как зубрили мы с тобою
Вместе пять годов подряд.

И просили мы, как видно,
Повзрослевшие совсем,
Сделай так, чтоб не обидно,
Чтобы счастье было всем.

Но судьба нас разбросала
По стране нашей большой
И по-разному качала
На волне своей крутой.

Стали мы уж бабкой, дедкой.
Вспять то время не вернёшь.
Лишь по улице Советской
Так же ходит молодёжь.

Город юности мой, Шуя!
Незабвенный, милый край.
Сквозь года к тебе спешу я.
Ты меня не забывай.

И прости, что всё молчала,
Ради прошлого, весны.
Что тебя не навещала,
В этом нет моей вины.

Город Шуя! Светлооко
Ты сияешь среди дня.
Пусть прозвонит издалёка
Колоколенка твоя.

О, Русь моя!

О, Русь моя! Как много в жизни
Перестрадать тебе пришлось.
Сокрыла ты в груди, Отчизна,
Так много, много горьких слёз.

Когда с рассветом в 41-ом
Ступила фрицева нога,
Он жёг тебя остервенело,
Срывал одежды донага.

И как в двенадцатом, далёком
Сгорело всё почти дотла.
Но ты была не одинока,
С тобою партия была.

Подняв рукою гордо знамя,
Собрав народ в один кулак,
– В веках виктория за нами, –
Сказала твёрдо. – Будет так!

Наглец! Хотел тебя в могиле
Сгноить. Но этому не быть!
А мы с тобою победили
И, значит, будем, будем жить!

Назло звериному оскалу
Гнилых зубов, шипенью змей
Ты стала, как всегда бывало,
Ещё красивей и сильнее!

О, Русь! В расшитом сарафане
До пят пшеничная коса.
Чаруй красой за океаном,
Чтоб голубели небеса!

* * *

Мы сидели рядом, недалече,
Но меж нами – мутные дожди.
При совсем случайной нашей встрече
Я шепнуть успела: «Подожди!»

Шёпот мой повис на сизой ветке.
До угла ты шёл, оборотись.
Лишь остался навсегда, навеки
Долгий, долгий взгляд твой
Серых глаз.

* * *

Пахнет дождь травой, цветами,
Вдоль по луже «корабль» плывёт,
Разрезая своими бортами
Опрокинутый небосвод.

В небе радуга, расцветая,
Уперлась ногами в откос.
Вдруг «корабль» подхватил, играя,
Ручеёк и в реку унёс.

А река волною катила,
Убыстря течение своё.
На кораблике том уплыло
Босоногое детство моё.

* * *

Промчатся б лёгким ветерком
По тем тропинкам и дорогам
Где юность мчалась бегом,
Теперь напомнила о многом.

О тихих летних вечерах
И бледно-розовых закатах,
Сердечных девичьих делах
Что волновали грудь когда-то.

Нет, не найти теперь пути,
Где юность серной промелькнула.
И тех тропинок не найти,
Их вьюга снежная задула.

Лишь шепчут клёны ввечеру
Про наши встречи, расставанья,
Да гаснут звёзды поутру,
Напоминая те свиданья.

* * *

Отоснился ты мне, отлюбился,
Отстучался тоскою в груди.
Как в весеннюю пору пролился
Дождь искристый, исчезнув вдали.

Потускнели глаза голубые,
Нету блеска и радости в них.
Только блики бегут золотые
По тропинке, одной на двоих.

Тихо плещет волна голубая
И качает кусочек зари.
Я вернулась нынче другая,
Не зови ты меня, не зови.

* * *

Снова осень, осень.
Отцвела и я,
Сгнула в неизвестность
Молодость моя.

Где её найти мне,
У кого спросить?
Как печаль, тревогу
В сердце погасить?

Облетает липа,
Отцвела сирень.
Были и рассветы,
Был и светлый день.

Только незаметно
Как-то всё ушло.
И любовь, и радость...
Было и прошло.

* * *

Сделать можно много.
Стоит захотеть.
Вот и я попала
В эту круговерть.

Закружилась белкой.
Всё дела, дела.
Только спохватилась...
Молодость прошла.

Клён уж не зелёный,
Сильно пожелтел.
Где же соловей мой?
Тоже улетел.

* * *

Ходит осень по дорогам,
Сеет пасмурным дождём.
Под большим душистым стогом
Хорошо сидеть вдвоём.

Мы уселись, где посуше,
Поболтали просто так.
Пусть припустит дождик пуще,
Пусть хоть град идёт с кулак.

Нам ни горя, ни заботы,
Ягод полный горбовик.
Топать дальше неохота
И устал болтать язык.

Дождик в сене шебуршится,
Пахнет мёдом молодым.
А ромашка и душица
Смотрят солнцем золотым.

Под большим душистым стогом
Хорошо сидеть вдвоём.
Разморило нас немного,
Полусонные бредём.

*Татьяне Михайловне Литвиновой
на добрую память
от соратницы по перу
Ильичевой Нины Ивановны*

Когда я Ваши стихи читала
Как будто воочию увидала:
«Плакучую иву» на берегу,
Босой по полянке с «жаркими» бегу,
Чаёк ароматный пью «из смородины»,
И слушаю песни Ваши о родине.
Нежности сколько в них и любви –
Всё говорит о красотах земли!
Хочется с лаской обнять ту «рябинку»,
Поймать на ладонь с берёзы «росинку»,
Услышать хочу «соловьиные трели».
... Ваши стихи мою душу согрели.

*Татьяне Конотопцевой
Дорогая Татьяна Евгеньевна, с
юбилеем Вас!!! Здоровья, счастья,
успехов в жизни!*

Жизнь как прекрасна, так и сурова,
Порою убить может жёсткое слово.
Ведь многое в жизни слово решает
И Вам безразличен никто не бывает.
Вы, как никто, умеете слушать
И потому открывают Вам души.
За то, что Вы цените очень людей –
В жизни у Вас много верных друзей.
На помощь в любую минуту придут,
Коллеги Вас тоже не подведут.
Не год и не два в «Бирюсинке»
трудились,
Заслуженно вместе престижа добились.
И Вам за труды золотое перо
Не просто так ведь было дано.
Тем более, Вас подвести мы не можем
Честь в работе всего нам дороже.
И пусть хоть трижды придет конец света,
Работой ударной ответим на это!

.....

А от себя лично скажу,
Я Вас за всё благодарю.
За Ваш талант, за Ваш успех,
За то, что Вы разумней всех.
И Вас, как любящую мать,
Сердечно хочется обнять.

Спасибо, что ты нас позвал

Какое счастье быть всем вместе
И слышать радостные вести...
Енисейский литератор
Признал нас за родного брата,
Позвал в родную «Енисейку»
И принял всех в свою семейку!

... Не ждём наград мы и похвал
Спасибо, что ты нас позвал.
Тепло от предстоящих встреч
Мы будем с радостью беречь.

И хоть осенняя метель
Уж стелет снежную постель,
Сердечно в гости вас зовём,
Вам что-то новое пришлём.

Ведь дружба эта всем важна –
В душе теплей. В душе весна.

**На память Вениамину Антоновичу от
соратницы по перу Нины Ильичевой
в День Вашего 80-летия**

Незаметно пролетели
Восемьдесят лет.
Вроде был всегда при деле,
А бабок лишних нет.

Кем я только не трудился,
Кем только не был.
В море чуть не утопился,
Выбившись из сил.

Денег так и не надыбал,
А желаний – тьма!
Из трудяг давненько выбыл
В жизни кутерьма.

И природа пошутила
Надо мной слегка:
Шевелюру проредила,
Смотрится пока.

Вот штаны купил пошире –
В те уже не влез.
Ко всему имею в мире
Живой интерес.

Мне бы съездить в Эмираты
С тещей и женой.
Да как ехать без зарплаты
С пенсией одной?

«Там я был. Всего наелся», –
Мне сосед сказал.
Я к соседу пригляделся:
Врёт, поди, нахал!

Жинка мне сказала:
«Веня, спи и не ворчи.
Путин пенсию прибавил,
Хватит на харчи».

... А луна в окно глядится
Ласково с небес.
Стал теперь мне ночью сниться
Красный «Мерседес».